

Душой исполненный полет

Молодость свойственна живая любознательность. Множество вопросов интересует молодого человека. Он хочет найти свой путь в жизни, как можно лучше проявить свои способности. И почти у каждого появляется такой вопрос: «А что такое талант? Может быть, это врожденное качество, а может быть, такое, которое можно развить в себе?» Таких предположений возникает у молодежи немало, хотя существует много ярких, образных и точных определений этого понятия. И я вовсе не претендую на оригинальность, на роль первооткрывателя, когда говорю о том, что талант — это труд.

С искусством и трудом во имя искусства я познакомилась с детства. Мои родители, Мария Федоровна Романова и Сергей Николаевич Уланов, были солистами балета Мариинского театра. Уже в дошкольном возрасте я часто посещала балетные спектакли и репетиции. Там я могла если еще и не осознать, то, во всяком случае, видеть, с каким трудом дается то, что выглядит потом на сцене так сказочно и легко.

В первые годы революции я поступила в хореографическую школу. Моя мама была моим первым педагогом. С 8-го класса я училась у А. Я. Вагановой, знаменитого педагога и автора известной во всем мире книги «Основы классического танца».

Изучение основ техники танца начинается обычно в раннем возрасте, с восьми-десяти лет, и весь курс учения продолжается примерно десять лет. Как видите, срок немалый. Но им, разумеется, не ограничивается тот период, в который человек, посвятивший себя танцевальному искусству, изучает и совершенствует свое ремесло. Как и в каждом деле, процесс постоянного познания и повышения своего мастерства и здесь неограничен во времени. И в танце вся жизнь —

С НАМИ ЧИТАТЕЛЯМИ БЕСЕДУЕМ

Г. С. Уланова,
лауреат Ленинской премии,
народная артистка СССР

это учение, это труд. Систематические, по несколько часов в день практические занятия будущего танцора, а также не менее упорные повседневные занятия уже сложившегося танцовщика — это непрерывное условие.

Но для танцевального искусства, как и для искусства вообще, мало только одного технического совершенства. Настоящий артист тот, кто познает не только азбуку, технику танцевального искусства, но и его душу, его внутреннюю жизнь, ибо только она в сочетании с совершенной техникой делает танец искусством.

Известно, что лучшие представители русского балета всегда хорошо знали и понимали душу танца. Еще Пушкин писал, что русский балет — это «душой исполненный полет». Но тем не менее на довоенной сцене немало места занимал балет, призванный тешить только взор пресыщенной, богатой публики, ничего не дающий ни уму, ни сердцу. Такой балет едко и справедливо высмеивали еще Некрасов и Салтыков-Щедрин.

Я останавливаюсь на этом не только потому, что хочу лишний раз обратить внимание на абсолютную необходимость идейного смысла в искусстве. Мне хочется показать молодежи, что в каждом деле, которое по-настоящему любишь и которому посвящаешь жизнь, должен быть высокий смысл.

Я вижу такой смысл в танцевальном искусстве, которое никоим образом не кажется мне абстрактным, чисто развлекательным зрелищем.

Настоящий артист не может не служить людям, обществу. Искусство существует не само по себе, оно призвано служить людям, украшать и совершенствовать их жизнь, их отношения. И нет для нас выше и вернее оценки, чем народное признание нашего скромного труда.

В силе советского искусства, в его непреклонной правде еще и еще раз убеждаешься, когда представляешь его за рубежом. В Соединенных Штатах Америки, Франции, Бельгии, Федеративной Республике Германии и других странах, где мне

довелось выступать вместе с балетом Большого театра, — всюду мы были свидетелями триумфа советского искусства.

Одна из главных причин успеха нашего балета была, на мой взгляд, хорошо раскрыта в словах немецкого театрального критика, доктора Гергарда Штейнера. Он писал в статье «Правда и красота» по поводу наших гастролей в Берлине: «В каждом танце художественно воплощена жизнелюбность, отражена любовь народа к своей Родине, его воодушевление своей силой, своим будущим. В каждом движении выражалось счастье прекрасной, все более прекрасной жизни».

Этим качествам, которые мы привыкли считать неотъемлемыми, определяющими чертами искусства, на Западе трудно найти дорогу на сцену. Во время заграничных поездок мне не раз доводилось не только выступать на сцене, но и самой быть зрителем в разных театрах, кино, у экранов телевизоров. Многие из того, что довелось увидеть, никак нельзя отнести к искусству. Это относится, конечно, и к области танцев.

В капиталистических странах увидишь, конечно, не только искусство в кавычках, увидишь и настоящее искусство, но ему там нелегко защищать свое право на существование. В США нет ни одной государственной балетной школы. Есть, в сущности, один балетный театр, им руководит Дж. Баланчин. В его труппе немало талантливых артистов, но вся труппа существует только за счет субсидий какого-то богача. От него и зависит, по сути дела, судьба этого американского балета.

Нам, советским артистам, дано все для плодотворного творчества. Мы согреты любовью и заботой народа и государства. Поэтому наш долг — отдать все свои способности своему народу, беззаветно служить ему. Мне думается, что одной из главных задач работников искусства является их помощь тем сотням тысяч и миллионам советских трудящихся, которые занимаются художественной самодеятельностью. Участник художественной самодеятельности не просто приобретает к искусству — он начинает глубже и тоньше понимать его, у него расширяется кругозор, формируется вкус. В этом нравственном самосовершенствовании я вижу главное назначение художественной самодеятельности.

Понятно, что при той массовости, которой отличается у нас в стране художественная самодеятельность, из ее среды вырастает немало талантов, выходящих на профессиональную сцену. Но и при самой большой одаренности надо много очень много учиться и работать.

Всю свою душу, весь жар молодого сердца вкладывая в искусство, если связал с ним жизнь.

О М Е Н А
ЛЕНИНГРАД

11 НОЯ 1960